

Природные инстинкты

Раньше я считал, что мой папа не очень приспособлен к жизни. Мама так и говорила:

- Если папу Вову бросить на необитаемом острове с горой консервов и консервным ножом, он всё равно умрёт от голода. Не догадается, как банки открыть.

Конечно, мама преувеличивала. Когда мы оставались с ним вдвоём, то ещё ни разу не умерли. Папа виртуозно готовил яичницу и бутерброды. Бутерброды, пожалуй, чуть лучше – яйца у него всегда подгорали.

Но когда папа предложил: «А поехали, Тёмик, со мной на рыбалку с ночёвкой!» - я растерялся.

Как на рыбалку? Прямо сейчас что ли поехали, а не как обычно - «когда-нибудь» и «если будешь хорошо себя вести»? А ночевать где? И комары же! Бррр!

Я подумал и хотел отказаться. Но мама меня опередила.

- Не выдумывай, Володь! Что за чушь? Конечно, Артём не поедет с тобой ни на какую рыбалку!

А меня прямо до мурашек злит, когда мама вот так всё решает за меня. Даже если я того же мнения, высказать его должен я – не она!

Поэтому я неожиданно выпалил:

- Классно придумано! Поехали!

Папа расплылся в довольной улыбке, а мама покраснела. Она молча удалилась на кухню и крикнула уже оттуда:

- Имейте в виду, собираться будете сами! Без моей помощи! Мне некогда!

Я раньше никогда не собирался на рыбалку, да ещё на ту, которая с ночёвкой. Но подумал, что в этом, должно быть, нет ничего сложного – вон у папы такой уверенный вид.

Через полчаса мы с ним с тоской взирали друг на друга. Перед нами лежала груда одежды:

- Наверно, нет смысла брать белую футболку... - советовался со мной папа.

- Да, смысла нет, - неуверенно соглашался я.

- А что лучше – вязаный свитер или ветровка с капюшоном? Или и то, и другое?

- Давай и то, и другое.

- Эти штанцы, пожалуй, будет не жалко... – папа крутил в руках мои жутко модные джинсы с дырками на коленях, которые мама разрешала надевать только в гости. – Эммм... А подштанники у тебя есть?

Я не знал, что такое подштанники. Может, это какая-то рыбацкая спецодежда? Скажем, как шляпа и рубашка в клеточку у ковбоев, в которых они лихо гоняют на лошадях. Я бы не отказался побыть ковбоем или точнее фиш-боем, мы ж рыб будем ловить, а не коров.

- Это то, что надевают под штаны, чтобы было теплее! – уточнил папа.

- А. Понятно. Па, у нас это называется – колготки!

- Да? Я думал, колготки – это то, что женщины носят с юбками.

В общем, мы узнали много нового друг от друга. Например, что папы, в отличие от мам, никогда не складывают вещи стопочкой перед тем, как сунуть их в рюкзак. Зачем? Они всё равно помнутся. Во-вторых, что влажные салфетки на рыбалке – это дурной тон. Там же целая река – мойся сколько хочешь! И в-третьих, мы просто впихнули в рюкзаки всё, что влезло. А что не влезло – оставили на диване. Это только потом выяснилось, что

мы совершенно зря не взяли с собой панамки, средство от комаров и кружки. А тогда папа сказал:

- Выживают же как-то люди в дикой природе без запасных носков и пижамы?

Я не был уверен, что они и впрямь выживают без всего этого. Но папе виднее. Он мне по секрету признался, что он в вопросах рыбалки мормышку съел!

- Классно, па! Значит, точно не пропадём! – обрадовался я и пошёл спрашивать у мамы, что значит «мормышка».

После сбора вещей мы отправились копать червяков. Я с опаской взирал на лопату в папиных руках. Буквально на днях он уже получил травму... от моей точилки для карандашей! Что будет сейчас, я боялся даже представить. Но папа внезапно – раз! – ловко вонзил лопату в землю. Два! – умело подцепил бурый покрытый травой пласт. Три! – опрокинул его внутренностями наружу. А там – мама дорогая! – червячный рай. Жирные ожившие макаронины!

- Скорее тащи их, пока не расползлись, - крикнул папа.

Я опешил. Как тащить? Прям руками что ли? Они же грязные! И склизкие небось! Мама точно заругает, если увидит! Я поднял с земли палочку и аккуратно поддел одного самого смиренного червячка. Он немного повисел, а потом сорвался и нырнул с головой – не уверен, была ли это именно голова – в землю.

- Эх ты, рыбак-чудак! Смотри, как надо.

Папа голыми пальцами ухватил другого червяка за хвост – не уверен, был ли это именно хвост - и опустил в банку. Я решил, что если папе можно, то и мне! Вдвоём мы наполнили банку до середины. Правда, я чуть больше папиного перепачкался землёй – в основном коленки, но и живот немного, и капельку руки до локтя, и почему-то шея. А лоб уж совсем не в счёт. Даже мама мне ничего не сказала. Лишь многозначительно посмотрела на папу и почему-то проговорила по слогам:

- Я – у-мы-ва-ю-ру-ки!

Но я так и не понял, почему руки должна мыть она, а не мы с папой.

На рыбалку мы поехали на нашей машине. К её крыше папа с дядь Славой привязали надувную лодку. И я представлял, что это не машина везёт лодку, а наоборот: будто это плывёт подводная субмарина, и мы сидим снизу в её кабине. Тогда получалось, горки и ухабы – это неровное морское дно. Деревья и трава – это водоросли. Птицы – такие рыбы с длинными плавниками. А коровы? Пусть так и будут коровами, только морскими.

Мы подъехали к берегу у извилины реки. Папа заглушил мотор, достал из багажника палатку.

- Сперва обустроим себе жилище! – потёр руки он. - Потом отправимся добывать снедь!

- Я думал, мы сперва поставим палатку, а потом пойдём ловить рыбу! – удивился я.

- Я так и сказал! – в ответ удивился папа.

Умеют же эти взрослые выбирать сложные слова, чтобы объяснить такие простые вещи.

Папа расстелил на земле палатку, расправил, быстро и точно вдел дуги. А я смотрел на него и не узнавал. Это точно мой папа? Тот самый, который дома лишь с третьей попытки вставляет одеяло в пододеяльник?

- Вбивай колышки! – приказал папа и протянул мне пучок каких-то железяк.

Пока он отвязывал лодку и снимал её с крыши, я старательно втыкал железки в землю.

- Это что? – почесал подбородок папа.

- Вбил! – гордо сказал я, продемонстрировав ровный ряд из вбитых по самую шляпку колышков.

- Молодец! – похвалил папа. И всё переделал сам, как надо – расставил колышки по углам палатки, закрепил на них края тента. А потом мы спустили лодку на воду, закинули в неё себя, удочки и банку с червяками и поплыли.

- Дай погрести! – попросил я. И папа безоговорочно отдал мне вёсла. Ого! Так можно, да? Мама вместе с вёслами вручила бы мне миллион инструкций – сядь ровно, упрись ногами в пол, перехвати вот здесь, не брызгайся, держи лодку ровнее... А я грёб, как грёблось, - зигзагами, и немного по кругу, но больше на месте. И папа не сделал мне ни одного замечания. Какая всё-таки классная штука – рыбалка!

Но я так думал до того, как мы начали удить рыбу. А как начали – то я сразу стал думать по-другому: что это вообще лучшее, что могло случиться со мной и папой. Это нас прямо сблизило. Близко-близко! Дело в том, что я закинул удочку. И случайно попал не в воду, а в папу. И он немного намотался на леску с одного конца удочки, а другой конец держал я. Мы так плотненько сидели друг к другу, боясь пошевелиться, потому что крючок крепко вцепился в папин воротник. Нам было очень «приятно» вместе – плеск воды, блики солнца, лёгкий пар от нашего дыхания. Но потом нам надоело так сидеть, папа извернулся и высвободился из ловушки. Мы распутали леску и, наконец, принялись ловить того, кого надо – рыбу.

Мы поймали много! Целых шесть! Четыре выудил папа, а две – я сам. Только червяка папа помог надеть, и удочку немного помог закинуть, и объяснил, когда дёргать. Тянули её мы вместе, чтобы я леску опять не запутал. И эти две мои самостоятельные рыбки оказались самыми красивыми. И не беда, что совсем маленькими.

- Это мальки! Рыбёшкины дети! – улыбнулся папа. – Давай их выпустим? Пусть растут дальше.

Мне было совсем не жалко их отпускать. Нисколечко! Правда, я уже дал им имена – Селёдкин и Серёжа. И я ничуть не грустил. Хотя живо представил, как они будут плавать в банке возле моей кровати. Как я буду каждое утро с ними здороваться, а вечерами желать спокойной ночи. Но я всё же выпустил в воду Селёдкина. И даже не заплакал - только несколько слезинок выкатилось против моей воли, потому что солнце светило прямо в глаза.

А Серёжа, видимо, уже успел меня полюбить. Ведь он лежал на моей ладони и не стремился обратно в реку.

- Тёмик, ну давай же – не мучай малыша!

Я шмыгнул носом, размахнулся и кааааак кину! Сперва в воду полетел Серёжа, вслед за Серёжей – моя рука, а за рукой – я сам. Весь, целиком, с кепкой, ботинками и листиком, прилипшим к подошве!

Бульк! – нырнул Серёжа! Плюх! – нырнул следом я. И хотя в мои планы это совершенно не входило, я стал тонуть.

- Эге! Ну нет, брат, не уйдёшь! Что я маме скажу? – услышал я над самым ухом. И совсем рядом увидел папины глаза. Они были такими родными, но немножко всё-таки сумасшедшими. И как он умудрился поймать меня в полёте за капюшон? Ведь дома, когда мы играли в бадминтон, ему ещё ни разу не удалось попасть ракеткой по воланчику!!! Может, я это вслух спросил. Потому что папа ответил.

- Тёмик, вдали от города во мне просыпаются природные инстинкты. И я становлюсь быстр, как осётр! Один-в-один!

Жаль, я никогда не видел осётра. Неужели папа и в самом деле сильно на него похож?

- Надо бы тебя подсушить! А то ты что-то совсем размок, - приобнял меня папа и направил лодку к берегу.

Не знаю, как у осётра, но папины природные инстинкты творили чудеса. Потому что он в три счёта собрал сухие ветки, сложил их шалашиком и разжёг костёр. Потом повесил над костром котелок, налил воды, закинул туда очищенную рыбу, картоху, морковь... И буквально через пару минут в котелке что-то волшебным образом забулькало и запахло. Я лишь сидел в одних трусах, завернутый в плед, и поражался. Где тот человек, который дома умудрялся зажечь одну конфорку, а чайник поставить на другую? И дооолго ждать, когда закипит.

В общем, я решил, что мама была права. Конечно, на необитаемом острове папа не догадается открыть рыбные консервы ножом. Потому что ему это ни к чему! Он лучше смастерит удочку и наловит свежей рыбы. А потом накормит вкуснейшей ухой меня и маму.

Я не успел придумать, откуда на необитаемом острове возьмёмся мы с мамой, поскольку сразу же после ужина заснул – в спальнике, в палатке, у папы под боком.

И мне снились осётр, Селёдкин и Серёжа.